

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ХВАРШИНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ*

Е. А. Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова / ГосИРЯ имени А. С. Пушкина

Аннотация: В статье предлагается анализ системы пространственных форм имен и наречий хваршинского языка, опирающийся на внутригенетическую типологию локативных форм в дагестанских языках. Фиксируемая в текстах совокупность употреблений пространственных форм представляется в виде осложненной модели организации локативной системы, включающей, помимо маркеров ориентации и направления, также факультативные показатели аппроксимации. Система, засвидетельствованная в хваршинском, отличается от систем с аппроксимативом в других чечских языках в том, что одни и те же морфемы способны выступать и как самостоятельные локализации, и как аппроксимирующие операторы.

Ключевые слова: пространственные формы, локализация, аппроксимация, внутригенетическая типология, хваршинский язык

Для цитирования: Лютикова Е.А. Пространственные формы хваршинского языка в контексте внутригенетической типологии // Типология морфосинтаксических параметров. 2022. Том 5, вып. 1. С. 56–71.

* Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

KHWARSHI SPATIAL FORMS IN THE CONTEXT OF INTRAGENETIC TYPOLOGY*

Ekaterina Lyutikova

Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: In this paper, I propose the analysis of the system of Khwarshi nominal and adverbial spatial forms based on the intragenetic typology of locative forms in Northeast Caucasian. Spatial forms attested in the corpus of Khwarshi texts are subsumed under a compositional model of the locative system which includes, in addition to localization and direction markers, also optional approximation markers. The system attested in Khwarshi differs from approximative systems of other Tsezic languages in that the same morphemes can function both as localizations and as approximating operators.

Keywords: spatial forms, localization, approximation, intragenetic typology, Khwarshi

For citation: Lyutikova E. Khwarshi spatial forms in the context of intragenetic typology. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2022. Vol. 5, iss. 1. Pp. 56–71. (In Rus.)

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”.

1. Введение

В данной статье ставится задача характеристики локативных форм хваршинского языка на фоне обобщений о структуре и семантике локативных форм дагестанских языков в целом. Тем самым настоящее исследование разрабатывает проблематику внутригенетической типологии [Кибрик 1993; 2003; 2007; Kibrik 1998; Шлуинский 2014; Лютикова, Федорова 2021], демонстрируя преимущества данного метода в применении к сходным образом организованным грамматическим подсистемам близкородственных языков. Я предполагаю показать, что фиксируемая в текстах совокупность употреблений пространственных форм может быть представлена в виде усложненной модели организации локативной системы, включающей, помимо маркеров ориентации и направления, также факультативные показатели аппроксимации.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 изложены обобщения о структуре и интерпретации локативных форм в дагестанских языках. Раздел 3 посвящен представлению хваршинской системы пространственных форм в существующих грамматических описаниях. В разделе 4 обсуждаются выделяемые в коллекции текстов¹ проблемные локативные формы, существование которых не предполагается имеющимися описаниями. Раздел 5 содержит реанализ системы пространственных форм хваршинского языка, опирающийся на представление о пространстве типологических возможностей для организации локативных систем, засвидетельствованных в дагестанских языках.

2. Пространственные формы в дагестанских языках

Системы именных локативных форм в дагестанских языках образуются композиционными комбинациями локализации и направительного (двигательного) падежа [Бокарев 1948; Кибрик 1970 и посл. работы; Тестелец 1980/2019]. В качестве примера рассмотрим пространственную форму багвалинского языка *miqaXis̄* 'с дороги' (1). В ее составе выделяется

¹ В коллекцию текстов вошли, во-первых, тексты на хонохском хваршинском, опубликованные в сборнике «Хваршинский фольклор» [Каримова 2014], а также тексты, записанные Я.Г. Тестельцом в селе Хонох в 2018–2019 гг. в ходе полевой работы. В примерах из текстов в строке перевода указывается название текста и номер предложения.

косвенная основа существительного *miq* ‘дорога’, а также последовательно присоединяемые к косвенной основе показатели локализации относительно ориентира *miq* ‘дорога’ (в данном случае — локализации AD) и направительного падежа (в примере (1) — элатива).

- (1) $miq \quad -a \quad -X \quad -\bar{i}s$
 дорога -OBL -AD -EL
 ‘с дороги’ (сошёл) [Кибрик (ред.) 2001: 141]

За исключением случаев идиосинкретичных лакун, комбинации показателей локализации и направления образуют композиционные системы. Набор граммем внутри каждой категории демонстрирует межъязыковое варьирование. Наиболее популярными локализациями в дагестанских языках можно считать локализации SUB, SUPER, CONT, AD, INTER, IN; реже встречаются такие локализации, как POSS, APUD, PRO и некоторые другие, см. [Тестелец 1980/2019]. Направительность представлена граммемами эссива (ESS) и различных директивов: латива (LAT), элатива (EL), аллатива (ALL), транслатива (TRANSL) и более редких терминатива (TERM), просекутива (PROS) и кумлатива (CUML). Эссив часто (но не всегда) имеет нулевой показатель; представлены также системы с синкретизмом эссива и латива.

Помимо именных локативных форм, в общедагестанскую систему пространственных форм входят также наречия места и пространственные послелоги. Эти лексемы, сами будучи обозначениями локализаций, обычно имеют форму эссива и ряд директивных форм, ср. пример (2) из багвалинского языка.

- (2) а. $\check{c}'ihi$
 наверх(у)
 ‘наверху’ (находится; эссив) / ‘наверх’ (поднялся; латив)
- б. $\check{c}'ihi \quad -\bar{s}$
 наверх(у) -EL
 ‘сверху’ (упал; элатив) [Кибрик (ред.) 2001: 143]

Возможные отличия наречно-послеложных направительных систем от именных не сводятся к сокращению числа граммем; в языках встречаются особые показатели директивов, используемые только с наречиями и послелогами. Возможны также случаи обращенной маркированности внутри наречной системы направительных форм, когда от немаркированной ди-

рекативной формы образуется маркированный эссив, служащий базой для образования прочих директивных форм, как в примере (3) из багвалинского языка.

(3) a. *haluba*

вверх.LAT

‘вверх, в горы’ (пошел; латив)

b. *haluba-X*

вверх-AD

‘вверху, в горах’ (находится)

c. *haluba-X-iš*

вверх-AD-EL

‘сверху, с гор’ (спустился) [Кибрик (ред.) 2001: 170]

Помимо категорий локализации и направленности, в некоторых дагестанских системах встречаются также категории аппроксимации и директива в узком смысле.

Категория аппроксимации или дистальности отмечается для ряда цезских языков — гунзибского [van den Berg 1995], бежтинского [Тестелец 1980/2019] и цезского [Radkevich 2008]. Аппроксиматив принимает в качестве аргумента локализацию и сопоставляет ей значение области пространства, находящегося около/вблизи той зоны, которая обозначается локализацией. Тем самым аппроксиматив, по выражению Я.Г. Тестельца, «размывает более или менее четкие пространственные границы, задаваемые локализационной морфемой» [Тестелец 1980/2019: 40]. Присоединяемые далее показатели направительного падежа принимают в качестве аргумента новую локализацию, создаваемую комбинацией значений локализации и аппроксиматива, ср. пример (4) из тлядальского бежтинского.

(4) a. *do roso-Ra-s L'alo ježeč.*

я.ERG стена-AD-EL камень нести.PRS

‘Я от стены камень несу.’

b. *do roso-Ra-dá-s L'alo ježeč.*

я.ERG стена-AD-APPROX-EL камень нести.PRS

‘Я со стороны стены камень несу.’ [Тестелец 1980/2019: 40–41]

Наконец, еще одна категория, связанная с пространственными формами — категория директива, фиксируемая для аварского [Бокарев 1954] и табасаранского [Ханмагомедов 1958]. Директив принимает в качестве аргумента форму направительного падежа и указывает, что движение происходит в направлении, совпадающем с обозначенным соответствующей пространственной формой, но не включает начальной или конечной точки движения, ср. примеры (5a–b) из табасаранского языка.

- (5) а. *BitI gʷoanari-kk-an kkuɖubʧnu.*
 змея камень.OBL.PL-SUB-EL ползти.PST
 ‘Змея из-под камней выползла.’
- б. *BitI gʷoanari-kk-an-di kkuɖubʧnu.*
 змея камень.OBL.PL-SUB-EL-DIR ползти.PST
 ‘Змея с той стороны, где лежат камни, выползла.’
 [Ханмагомедов 1958, цит. по Тестелец 1980/2019]

Информация о возможности использования аппроксимативов и директивов с наречиями и послелогоми отсутствует, хотя подобные комбинации вполне ожидаемы с точки зрения как семантических, так и формальных селективных свойств данных морфем.

Таким образом, максимальная возможная структура именной пространственной формы в дагестанских языках выглядит как в (6a), а наречно-послеложной — как в (6b). Следует отметить, однако, что ни в одном языке категории аппроксимации и директива одновременно не засвидетельствованы.

- (6) а. именные пространственные формы
 √-локализация-(аппроксимация)-направительность-(директив)
- б. наречно-послеложные пространственные формы
 √-(аппроксимация)-направительность-(директив)

3. Пространственные формы в описаниях хваршинского языка

Хваршинский язык представлен несколькими идиомами; большинство существующих грамматических описаний основываются на инхокваринском хваршинском. Так, описание Е.А. Бокарева [Бокарев 1959] строится на основе инхок(в)аринского хваршинского (приводятся также хонохские, квантля-

динские и сантлядинские параллели); инхокваринскому же идиому посвящено монографическое описание З.М. Халиловой [Khalilova 2009] и один из лучших в дагестановедении словарей под редакцией М.Ш. Халилова [Халилов (ред.) 2022], в котором хонохские лексемы отдельно помечаются в словарных статьях. Хонохский хваршинский, или собственно хваршинский — идиом селений Хварши и Хонох — описывается в [Шарафутдинова, Левина 1961]. Готовится к печати основанное на полевой работе с современным хонохским хваршинским англоязычное описание [Testelet, Khalilova (in prep.)]. Далее в этой статье рассматривается хонохский хваршинский.

Композиционные пространственные формы существительных представлены в таблице 1. Они образуются комбинацией 6 локализаций (в [Шарафутдинова, Левина 1961] — серий) (SUPER, IN, INTER, SUB, POSS, AD) и 5 направительных падежей (ESS, LAT, ABL, TRANSL, TERM) (в [Шарафутдинова, Левина 1961] — 4, без терминатива); по-видимому, имеется лакуна на месте ожидаемой формы интерминатива.

Таблица 1. Композиционные пространственные формы имени

	ESSIVE	LATIVE	ABLATIVE	TRANSLATIVE	TERMINATIVE
SUPER	-λ'o	-λ'o-l	-λ'o-žo	-λ'o-jža	-λ'o-q'a
IN	-ma	-ma-l	-ma-žo	-ma-jža	—
INTER	-t	-t-el	-t-žo	-t-ejža	-t-q'a
SUB	-λ	-λ-el	-λ-žo	-λ-ejža	-λ-q'a
POSS	-qo	-qo-l	-qo-žo	-qo-jža	-qo-q'a
AD	-ho	-ho-l	-ho-žo	-ho-jža	-ho-q'a

Отклонения от композиционности обнаруживаются для нескольких типов пространственных форм.

Во-первых, выделяемый в [Шарафутдинова, Левина 1961] указательно-направительный падеж (показатель *-гъол* | *-вол*) присоединяется как к косвенной основе существительного, так и к локализациям. Примеры (7a–b) приводятся в [Шарафутдинова, Левина 1961] для демонстрации возможности присоединения данного показателя к разным типам основ².

² Пример (7a) небыстречен в том отношении, что форма *гала* | *гала* используется не только как косвенная основа, ср. *гала-s гадлу* [село.OBL-GEN порядок] 'порядок в селе', но и как нерегулярная локализация IN, ср. *hada гала гумру буho беџана* [один.OBL село.IN жизнь делать.IPFV.CVB AUX.PFV.CVB] 'в одном селе жили'. Тем не менее, в современных текстах встречаются и однозначные случаи присоединения морфемы *-гъол* | *-вол* к косвенной основе существительного.

(7) а. Жу *u^hкькьа гIалI-а-гьол.*
 он I.идти.AOR село-OBL-DIR
 ‘Он пошел к селу.’ (в направлении села)

б. Да *u^hкьа-гьа ушкул-кьо-гьол.*
 я I.идти-IPFV.CVB школа-SUPER-DIR
 ‘Я иду по направлению к школе.’

В описании [Testeleets, Khalilova (in prep.)] показатель *-vol* анализируется как маркер еще одного регулярного направительного падежа — версатив (VERS). Соответственно, он образует композиционные формы с локализациями, а его присоединение к косвенной основе должно объясняться особо (см. ниже).

Во-вторых, в [Шарафутдинова, Левина 1961] вводится отдельный падеж с показателем *-гьал | -вал*, который «...обозначает объект (предмет), непосредственно к которому направлено действие»; этот показатель присоединяется только к косвенной основе (8). В [Testeleets, Khalilova (in prep.)] такие формы не рассматриваются.

(8) Эс-тIэ-гьал *йатIикькьа ка^hд.*
 сестра-OBL-? II.приходить.AOR девочка
 ‘К сестре пришла девочка.’

В-третьих, для ряда пространственных показателей — латива и аблатива — возможно присоединение непосредственно к косвенной основе существительного. В таком случае у аблатива возникает значение источника и материала (9a), а у латива — инструмента (9b). Кроме того, форма латива покрывает всю область дативных значений — экспериенциальный датив, датив реципиента, датив предназначения (10).

(9) а. *l-uc'a-zal žiža, iti-šu kanti l-ak^wa-la-sa,*
 IV-остывать-TMP жижа этот.OBL-AVL свет IV-видеть-FUT-A

jaq'ut-lo λ'er-mo-s k'ant'a l-eq-na.
 янтарь-GEN2 цвет-OBL-GEN1 палка IV-становиться-PFV.CVB

‘Когда масса остыла, из нее прозрачная янтарного цвета палка получилась.’ (Мулла и знахарь, 12)

b. *dija laga mi ejša-l esan-o-λλan iła-na*
 я.GEN1 тело ты.ERG веник-LAT мыть-IMP-QUOT сказать-PFV.CVB

juq'uč'i ili kande-qo-l...
 старушка.ERG этот.OBL девушка.OBL-POSS-LAT

‘— Моё тело **веником** помой, — сказала старушка девушке...’
 (Падчерица, 12)

(10) a. *ta iła-o di-l-eλλa iła-na zē-lo*
 вода дать-IMP я-DAT-QUOT сказать- PFV.CVB медведь-GEN2

āhi-ba:-ge-la uža.
 ухо-PL-COM-OBL парень.ERG

‘— Воды дай **мне!** — сказал парень с медвежьими ушами.’ (Медвежье ухо, 10)

b. *best'al iša-t'e-l χol-e-s kad goqa-ho*
 сирота мать-OBL-LAT муж-OBL-GEN1 дочь нравиться-IPFV.CVB

j-eča-na gobč'i.
 II-AUX-PFV.CVB NEG.AUX

‘**Мачеха** дочь мужа недолюбливала.’ (Падчерица, 7)

Возможность развития самостоятельных значений у направительных показателей, отмечаемая в [Тестелец 1980/2019], позволяет объяснить и двойственную природу указательно-направительного падежа / версатива (показатель *-гьол* | *-вол*): это пространственный показатель, который в норме присоединяется к локализациям, но может и функционировать самостоятельно, развивая непространственные значения.

Пространственные формы наречий фиксируются в обоих описаниях и в словаре. Согласно [Шарафутдинова, Левина 1961], наречия места принимают показатели аблатива и латива, а также «отчасти» указательно-направительного падежа (таблица 2).

Таблица 2. Пространственные формы наречий *иди* ‘здесь’ и *уго* ‘там’ по [Шарафутдинова, Левина 1961]

(ESS)	<i>иди</i> ‘здесь’	<i>уго</i> ‘там’
ABL	<i>иди-жо</i>	<i>уго-жо</i>
LAT	<i>иди-л</i>	<i>уго-л</i>
VERS	<i>иди-гьол</i>	<i>уго-гьол</i>

В [Testelets, Khalilova (in prep.)] приводятся композиционные сочетания наречий места со всеми направлятельными падежами (LAT, ABL, TRANSL, TERM, VERS).

Пространственные формы послелогов в грамматических описаниях не рассматриваются.

Итак, предполагаемая для хваршинского языка система пространственных форм выглядит следующим образом: имеются композиционные сочетания локализаций/наречий с шестью направлятельными граммемами (ESS, LAT, ABL, TRANSL, TERM, VERS). Часть направлятельных показателей (LAT, ABL, VERS) способны также функционировать как отдельные падежи, присоединяясь непосредственно к косвенной основе существительного. Статус показателя *-гъал* | *-вал* остается неясным.

4. Анализ текстов: проблемные случаи

При анализе пространственных форм в коллекции хваршинских текстов выявляются следующие проблемные случаи. Во-первых, обнаруживаются примеры, в которых показатели *-во* (*-ву*) и *-ва* используются без лативного *-l*, как локализации. Такие употребления фиксируются как для эссивных форм, ср. *hada-во* ‘во дворе’; *kolode-во* ‘в (селе) Голода’; *juq’uči-во* ‘у старухи’; *isu-ва* ‘у него’, так и в составе других (не лативных) пространственных форм, ср. *aq-ва-žu* ‘от дома’, *isu-ва-jža* ‘мимо него’, *di-ва-вол* ‘ко мне’. Некоторые примеры показаны в (11).

(11) а. *īi-go-l-na* *ruhunṭa-na* *taṃol* *kul-a-n*
 он.OBL-POSS-LAT-ADD привыкать-PFV.CVB наружу бросать-INF-ADD

goqa-bč’u *isu-ва-č* *λix^wa-na* *idu hiha*.
 хотеть-NEG.CVB он.OBL-?-INTS оставаться-PFV.CVB этот птенец

‘... к нему (= птенцу) привыкнув, [Насреддин] на улицу выкинуть не хотел, у него остался этот птенец.’ (Ворон Моллы Насреддина, 3)

б. *isu-ва-jža* *āk’a-ha-sa* *āse-l* *ħalt’uqan-e-s*
 он.OBL-?-TRANSL I.идти-CVB.IPF-A знахарь-DAT слуга-OBL-GEN1

maṭna-gobič’u *kuc* *b-ak^wa-zal...*
 смысл-NEG.COP.CVB вид III-видеть-TMP

‘Когда знахарь, проходя мимо него, заметил странный вид слуги...’ (Муллы и знахарь, 33)

Во-вторых, имеются случаи, когда пространственная форма существительного содержит два показателя локализации. В качестве второй локализации выступают локализация AD (ср. *čačan-λ'o-ho-l* 'в Чечню'; *mark'ač'u-λ'o-ho-l* 'к вечеру'; *isu-λ'o-ho-l* 'на него (напал)') и форма с показателем -во (*čan-o-λ-vo-jža* 'с потолка'; *ĩxe-t-vo-jža* 'через реку'). Соответствующие примеры показаны в (12).

(12) а. *mark'ač'u-λ'o-ho-l* *tatu-n* *b-ih-na*,
сумерки-SUP-AD-LAT сила-ADD III-умереть-PFV.CVB

j-at't'a-na *idu* *muža-λ'o-l*.
V-приходить-PFV.CVB она гнездо-SUP-LAT

'... к вечеру, сильно уставшая, вернулась она в гнездо.' (Ненасытная перепелка, 18)

б. *čan-o-λ-vo-jža* *iti-lo* *q'em-λ'o-l* *os*
потолок-OBL-SUB-?-TRANSL он.OBL-GEN2 голова-SUP-LAT деньги

b-iš-šo *b-eča-na*.
III-сыпаться-IPFV.CVB III-быть-PFV.CVB

'... деньги с потолка сыпались ей на голову.'
(Канатоходец и куница, 29)

Наконец, в-третьих, наречия места присоединяют не только показатель направительного падежа, но и показатель локализации; примечательно, что такая возможность фиксируется для тех же показателей -ho и -vo, ср. *ĩgo-ho-l* 'туда' (при *ĩgo-l* 'туда'), *gił-vo-jža* 'через низ' (при *giłe-jža* 'через низ').

(13) *žid-a* *łona* *biton-no* *l-eča-na*,
они-GEN1 три фляга-ADD IV-быть-PFV.CVB

ĩgo-ho-l *l-ez-na* ...
там-AD-LAT IV-братъ-PFV.CVB

'У них было три фляги, туда взяли они...' (Лиса, медведь и волк, 2)

Таким образом, становится очевидным, что существующие описания хваршинского языка не полностью исчисляют засвидетельствованные в текстах пространственные формы и нуждаются в уточнении. В следующем разделе представлено одно из возможных решений, опирающееся на частичную реорганизацию системы пространственных форм.

5. Предлагаемое решение

Учитывая полученные из коллекции текстов данные о дистрибуции показателей пространственных форм, я предлагаю следующий реанализ хваршинской системы. Во-первых, набор локализаций должен быть расширен: список локализаций должен быть дополнен двумя локализациями со значением APUD ‘область пространства рядом с ориентиром’: APUD1 с показателем *-во/-ви* и APUD2 с показателем *-ва*. Безусловно, необходима более точная семантическая характеристика предложенных локализаций, так что обозначения их как APUD являются предварительными. Тем не менее, это предположение хорошо сочетается с интерпретацией примеров в (11) и других текстовых вхождений, где используются эти локализации. Кроме того, имеется информация о наличии в других цезских языках морфем *-ва* или *-во*³, имеющих близкие значения ‘рядом’, ‘около’, ‘у (кого-л.)’ [Forker 2017]. Дистрибуция этих морфем сходна с дистрибуцией локализаций, однако их способность комбинироваться с различными основами существенно варьирует. Например, в бежтинском морфема *-ва* свободно сочетается с существительными и имеет, помимо пространственного, также метафорические и грамматически обусловленные значения (например, оформляет эталон сравнения); в гинухском же, напротив, показатель *-во* обнаруживается в составе трех наречий и образует локативные формы от малых количественных числительных. Таким образом, в пользу нашего предположения говорят данные близкородственных языков.

Во-вторых, на основе дистрибуции показателей в словоформах с двумя локализациями оказывается возможным выделить два класса показателей локализации. Показатели локализаций SUPER, IN, INTER, SUB, APUD2 встречаются только в первой из двух позиций, ср. *isu-λ'o-vo-l* ‘на него (напал)’, SUPER; *hamim-ma-vo-l* ‘в баню (отправился)’, IN; *ixe-t-vo-jža* ‘через реку (переходя)’, INTER; *mašt'a-λ-vo-l* ‘к мечети (пришел)’, SUB; *di-va-vo-l* ‘ко мне (подойди)’, APUD2. Показатели локализаций AD и APUD1 могут располагаться как в первой, так и во второй позиции, ср. *vaj-ho-vo-l* ‘к дому (подошел)’, AD; *ad-vo-vo-l* ‘вперед (идет)’, APUD1 и *čačan-λ'o-ho-l* ‘в Чечню (переселили)’, AD; *χano-λ-vo-jža* ‘с потолка (посыпались)’, APUD1. В наречиях места встречаются только локализации AD и APUD1 (более того, можно видеть, что сами наречия места часто содержат синхронно неотделимый показатель первой ло-

³ Учитывая, что для цезских языков характерна гармония гласных, можно предположить, что показатели *-ва* и *-во* диахронически связаны. Д. Форкер предполагает, что они восходят к пра-цезской падежной морфеме **-yo*.

кализации): *ĩgo-ho-l* ‘туда (отправился)’, AD; *lił’o-ho-l* ‘наверх, в гору (пошел)’, AD; *ł’ala-wo-l* ‘вверх (руки поднимая)’, APUD1; *gił-wo-l* ‘вниз (текло масло)’, APUD1; *miqe-wo-l* ‘далеко (ушел)’, APUD1; *ĩgo-idi-wo-l* ‘туда-сюда (ходит)’, APUD1’.

Я предполагаю, что в комбинации с первой локализацией либо наречием морфемы AD и APUD1 получают значение **аппроксиматива**, указывая на область пространства, расположенную в непосредственной (AD) или некоторой (APUD1) близости от ориентира, заданного первой локализацией или наречием. Значение аппроксимации представляется семантически близким значениям AD и APUD, которые могут быть описаны как ориентирующие значения ‘около ориентира’ + ‘контактно/неконтактно с ориентиром’ в типологии А.Е. Кибрика [Кибрик 1970]. Как кажется, интерпретация локативных форм как содержащих граммему аппроксимации в примерах (12a–b) выше, а также в (14) соответствует интуиции. В частности, отличие аппроксимированных локативных форм от неаппроксимированных хорошо заметно в контексте транслатива, предполагающего не-точечную область пространства, через которое осуществляется движение. Также показательно, что комбинация локализации INTER ‘внутри сплошного, заполненного внутреннего пространства X’ с транслативом в (14a) без аппроксиматива означала бы движение сквозь реку, то есть под водой (ср. *v’an-o-t-ejža* лес-OBL-INTER-TRANSL ‘сквозь лес’).

- (14) a. *ĩxe-t-wo-jža* *ãk’a-ha* *gojta* *idu*,
 река-INTER-APPROX-TRANSL I.идти-IPFV.CVB AUX.PTCP он

bit’e *oła-ł’o-l* *at’t’a-zal ...* *ti-t* *ĩža-na*.
 точно середина-SUP-LAT I.идти-TMP вода-INTER I.падать-PFV.CVB
 ‘Переходя **через реку** (букв. «через пространство, прилегающее к внутри реки»), когда он дошел до середины реки, ... упал в воду.’
 (Эх, молодость, 5)
- b. *gił-wo-jža* *č’ida-n* *l-uqe-na, ...*
 внизу-APPROX-TRANSL земля-ADD IV-копать-PFV.CVB
 ‘... подкопав землю **снизу** (букв. «через пространство, прилегающее к внизу [закромов]»), [влезла мышь в закрома].’ (Кот и мышь, 5)

Таким образом, можно считать, что в хваршинском языке воспроизводится модель пространственных форм с факультативным аппроксимативом (15), характерная как раз для цезских языков — гунзибского, бежтинского и цезского.

(15) а. именные пространственные формы

√-локализация-(аппроксимация)-направительность

б. наречные пространственные формы

√-(аппроксимация)-направительность

Система, засвидетельствованная в хонохском хваршинском, отличается от систем с аппроксимативом в других цезских языках в том, что морфемы AD и APUD¹ способны выступать и как самостоятельные локализации, и как аппроксимирующие операторы. По-видимому, такая полифункциональность характерна именно для ориентирующего значения 'около ориентира X', поскольку позволяет рекурсивное применение к локализациям, выделяющим области пространства в соответствии с другими ориентирующими значениями ('сверху X', 'снизу X', 'спереди X', 'сзади X' и т.п.).

Список условных сокращений

I-V — именной класс; A — атрибутив; ABL — аблатив; AD — локализация АД; ADD — аддитив; AOR — аорист; APPROX — аппроксиматив; APUD — локализация АПУД; AUX — вспомогательный глагол; COM — комитатив; CVB — конверб; DAT — датив; DIR — директив; EL — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; FUT — футуральное причастие; GEN — генитив; IMP — императив; IN — локализация ИН; INF — инфинитив; INTER — локализация ИНТЕР; IPFV — имперфектив; LAT — латив; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — мн. число; POSS — локализация ПОСС; PRS — презенс; PST — прошедшее время; QUOT — квотатив; SUB — локализация СУБ; SUPER — локализация СУПЕР; TERM — терминатив; TMP — временной конверб; TRANSL — транслатив; VERS — версатив; ? — морфема с неясным значением.

Список источников / References

- Бокарев 1948 — Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. Язык и мышление. Т. XI. М.–Л., 1948. С. 56–67. [Bokarev E.A. Lokativnye i nelokativnye znacheniya mestnykh padezhei v dagestanskikh yazykakh [Locative and non-locative meaning of spatial cases in Daghestanian]. Yazyk i myshlenie. Vol. XI. Moscow–Leningrad, 1948. Pp. 56–67.]
- Бокарев 1954 — Бокарев Е.А. О категории падежа (применительно к дагестанским языкам) // Вопросы языкознания, № 1, 1954. С. 30–46. [Bokarev E. A. On the category of case with respect to Daghestanian. Voprosy yazykoznaniiya, № 1, 1954. Pp. 30–46.]
- Бокарев 1959 — Бокарев Е.А. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., Изд-во АН СССР, 1959. [Bokarev E.A. Tsezic languages of Daghestan. Moscow, AN SSSR, 1959.]
- Каримова 2014 — Каримова Р.Ш. Хваршинский фольклор (с переводом на русский язык). Под общей редакцией Б. Комри. Лейпциг; Махачкала, АЛЕФ, 2014. [Karimova, Raisat. Khwarshi folklore (with translation into Russian). Comrie, Bernard (ed.). Leipzig; Makhachkala: ALEF, 2014.]

- Кибрик 1970 — Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970. С. 110–156. [Kibrik A.E. K tipologii prostranstvennykh znachenii (na materiale padezhnykh sistem dagestanskikh yazykov) [Towards a typology of locative meanings (based on case systems of Daghestanian languages)] Yazyk i chelovek. Moscow, 1970. Pp. 110–156.]
- Кибрик 1993 — Кибрик А.Е. Родственные языки как объект типологии // Молошная Т.Н. и др. (ред.). Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М.: Институт славяноведения РАН, 1993. С. 16–26. [Kibrik A.E. Related languages as a typological object. Moloshnaya T.N. et al. (eds.). Tipologicheskie i sopostavitel'nye metody v slavyanskom yazykoznanii. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 1993. Pp. 16–26.]
- Кибрик 2003 — Кибрик А.Е. Родственные языки как объект типологии // Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. С. 191–195 [Kibrik A.E. Related languages as a typological object. Konstanty i peremennye yazyka. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2003. Pp. 191–195.]
- Кибрик 2007 — Кибрик А.Е. Принципы и стратегии клаузного сочинения в дагестанских языках. Вопросы языкознания, №3, 2007. С. 78–120. [Kibrik A.E. Principles and strategies of clause chaining. Voprosy yazykoznanii, №3, 2007. Pp. 78–120.]
- Кибрик (ред.) 2001 — Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / под ред. А.Е. Кибрика. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika. Teksty. Slovarei [Bagwalal. Grammar. Texts. Dictionaries] Ed. by A.E. Kibrik. Moscow: IMLI RAN, 2001.]
- Лютикова, Федорова 2021 — Лютикова Е.А., Федорова О.В. Научная школа А.Е. Кибрика: от описания и документации языков к типологии и теории языка // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 9–22. [Lyutikova E.A., Fedorova O.V. Aleksandr Kibrik's scientific school: From language description and documentation towards linguistic typology and linguistic theory. Rhema. 2021. No. 2. Pp. 9–22. (In Rus.)]
- Тестелец 1980/2019 — Тестелец Я.Г. Именные локативные формы в дагестанских языках. Дипломная работа, МГУ, 1980 / рукопись, 2019. [Testelelets Ya.G. Imennnye lokativnyye formy v dagestanskikh yazykakh [Nominal locative forms in Daghestanian]. Diploma, Moscow State University, 1980 / Revised ms., 2019.]
- Халилов (ред.) 2022 — Джидалаев Н.С., Магомедова З.Д., Халилов М.Ш. Словарь хваршинского языка / отв. ред. проф. М.Ш. Халилов. — Махачкала: Институт ЯЛИ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2022. [Dzhidalaev N.S., Magomedova Z.D., Khalilov M.Sh. Slovar' khvarshinskogo yazyka [Khwarshi dictionary]. Khalilov M.Sh. (ed.). Makhachkala: ALEF, 2022.]
- Ханмагомедов 1958 — Ханмагомедов Б.Г.-К. Система местных падежей в табасаранском языке. Махачкала, 1958. [Khanmagomedov B.G.-K. Sistema mestnykh padezhei v tabasarskom yazyke [Locative case system in Tabasaran]. Makhachkala, 1958.]
- Шарафутдинова, Левина 1961 — Шарафутдинова Р., Левина Р. Хваршинский язык (предварительное сообщение). Вопросы изучения иберийско-кавказских языков, ред. Е.А. Бокарев. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 89–122. [Sharafutdinova R., Levina R. Khwarshi (preliminary report). Voprosy izucheniya iberiisko-kavkazskikh yazykov. Bokarev E.A. (ed.). Moscow: AN SSSR, 1961. Pp. 89–122.]
- Шлуинский 2014 — Шлуинский А.Б. Внутригенетическая типология: методологические заметки // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 127–139. [Shluinskii A.B. Intragenetic typology: methodological notes. Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2014. Pp. 127–139.]

- Forker 2017 — Forker D. Cases-Non-cases: At the Margins of the Tsezic Case System. Ramazan Korkmaz R., Doğan G. (eds.). *Endangered languages of the Caucasus and beyond*, Chapter 5, Brill, 2017. Pp. 60–78.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT, 2009
- Kibrik 1998 — Kibrik A.E. Does intragenetic typology make sense? Winfried B. et al. (eds.). *Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert*. Band 2. Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1998. Pp. 61–68.
- Radkevich 2008 — Radkevich N. *The geometry of local case affixes*. PhD diss., University of Connecticut, 2008.
- Testelelets, Khalilova (in prep.) — Testelelets Ya., Khalilova Z. *Khwarshi*. To be published in: *The Caucasian Languages. An International Handbook*. De Gruyter Mouton.
- van den Berg 1995 — van den Berg H. *Grammar of Hunzib*. Lincom Europa, 1995.

Статья поступила в редакцию 06.10.2022

The article was received on 06.10.2022

Екатерина Анатольевна Лютикова

доктор филологических наук; МГУ имени М. В. Ломоносова; участник проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина

Ekaterina A. Lyutikova

Dr. Phil. Hab.; Lomonosov Moscow State University; researcher in the project “Parametric description of the languages of Russia” realized in Pushkin State Russian Language Institute

lyutikova2008@gmail.com